

Тушёные бамбуковые побеги с мясом, «утопленная курица», жареный водяной каштан, овощной салат по-цзяннаньски. Суп из креветок и рыбных фрикаделек. В качестве основного блюда — простой белый рис.

Поскольку в ее предыдущем доме часто принимали гостей, жена Чэнь Цяна специально приобрела сто комплектов посуды и пятьсот больших тарелок — специально для приёма многочисленных гостей. В обычное время всё это хранилось в отдельной кладовой на кухне.

Когда нужно — просто доставали и мыли. Очень удобно!

Иначе пришлось бы обегать всю деревню, занимая миски и тарелки. В Ляньхуаао людей немного, и случалось так, что даже собрав всё у всех, посуды всё равно не хватало.

Во время последней операции по ликвидации бандитов посуды не хватило — пришлось есть в три приёма: сначала ели Ван Цзюнь и его товарищи, потом — жители деревни, а в последнюю очередь — женщины и дети, помогавшие с приготовлением. Пришлось делить один приём пищи на три раза!

Теперь же не нужно больше занимать посуду — жена Чэнь Цяна оказалась очень дальновидной.

За ужином Вэнь Жунь выпил лишь одну миску супа и немного поел овощей, а дальше просто смотрел, как остальные едят.

После ужина все пошли на задний двор, чтобы освежиться. Ван Цзюнь, улыбаясь, заметил Вэнь Жуню:

— Раньше здесь же рыбу разводили? А теперь превратили в открытую баню!

Вэнь Жунь только руками развёл:

— Да не говори так! Я ведь изначально собирался здесь разводить рыбу и сажать лотосы. А теперь... Ни лотосов так и не посадил, ни мальков не купил.

— Ну и ладно, пусть остаётся баней! — весело отозвался Ван Цзюнь.

Вэнь Жунь заметил перемену в нём:

— А ты сегодня какой-то необычайно разговорчивый!

Раньше, когда возвращался, выглядел замкнутым и неуверенным, даже речь держал робко.

Даже после того, как стал командиром десятка, приезжая сюда, не чувствовал себя так непринуждённо. А теперь — совсем другой человек!

— А? — Ван Цзюнь прикусил губу. — Разве я раньше был неразговорчив?

Он всегда был сговорчивым: Вэнь Жунь почти всегда получал согласие на всё, что ни скажет.

— Раньше, когда мы встречались, ты либо хмурился и отвечал коротко, либо вообще говорил сам с собой. Что бы я ни сказал — ты только кивал, ни разу не возразил. А теперь уже и распоряжаться в доме начал! — Вэнь Жунь толкнул его плечом, но только самому больно стало. — Так, видать, чин тебе придал уверенности?

Ван Цзюнь усмехнулся:

— Именно так!

Вэнь Жунь попал в точку. Глаза Ван Цзюня теперь светились лёгкой улыбкой и непринуждённостью.

Раньше он не решался смотреть Вэнь Жуню в глаза — постоянно чувствовал, что «заносит выше своего положения». В первый раз, вернувшись сюда, ему даже показалось, что он во сне. Тогда он наговорил Вэнь Жуню столько всего бессмысленного... Сейчас, вспоминая, даже стыдно стало.

— Ладно, пусть будет баня, — улыбнулся Вэнь Жунь. — А не построить ли ещё и домик? Как же зимой быть?

— Ну ты даёшь! — рассмеялся Ван Цзюнь. — Мы, простые солдаты, такие вот. Помоемся — и сразу спать. На этот раз все приехали с чистой одеждой, не волнуйся: грязное бельё сами выстираем — быстро высохнет. Завтра, когда уедем, все будут чистыми и опрятными. Им ведь нравится со мной ездить! Вот Лян Эр — у тебя дома и ест, и забирает с собой, даже для Чжан Саня порцию прихватывает. Ты его прямо избаловал!

Лян Эр уже не раз бывал здесь и давно сдружился с Вэнь Жунем. А сдружившись, совсем обнаглел: армейская жизнь сурова, и Вэнь Жунь всегда передавал Ван Цзюню немало припасов — и Лян Эр, и Чжан Саню всегда доставалось.

Чжан Сань редко показывался, а вот Лян Эр часто помогал Ван Цзюню. На этот раз Лян Эр тоже стал командиром десятка — ходит важный, совсем комичный стал.

— Разве они не твои братья? В армии одному не выстоять! — спросил Вэнь Жунь. — А где Чжан Сань? Почему его не видно? Лян Эр уже дважды сбежал сюда!

— Сейчас он занят, — ответил Ван Цзюнь. — Лагерь в Шаньнани скоро перебазирован. Операция по ликвидации бандитов завершена, там больше не будут стоять постоянно — вернуться в основной лагерь в Цзяннани. У них в тыловом обозе масса дел: Чжан Сань отвечает за конюшню, а это непросто. Кони сами пойдут, а вот сено и корма нужно всё пересчитать и погрузить. Там стояли несколько лет — накопилось немало. Я раньше был командиром десятка в продовольственном отряде, а теперь стал байху (командиром сотни) — официальным военным чиновником. Поэтому и возвращаюсь помогать с переездом лагеря. Теперь, когда стал офицером, вещи за меня укладывают, но всё равно приглядывать надо. Твои подарки я сложил в палатке, но эти ребята всё время торчат там, заглядывают с жалобными глазами... Что делать — давать или нет? Все уже совсем распустились!

Вэнь Жунь ещё больше рассмеялся:

— Тогда в следующий раз я привезу побольше!

— Да брось! — замахал руками Ван Цзюнь. — Когда был простым унтер-офицером, подчинённых мало — можно было и поесть-попить дать, даже нижнее бельё раздать. Став командиром десятка, уже приходилось делиться только едой — ведь под началом семьдесят-восемьдесят человек! И то состав неполный. А теперь, став байху, у меня уже семь десятков под началом, и один из них — продовольственный отряд. Так что... не потяну больше!

Это действительно так: сейчас у Ван Цзюня под началом семь-восемь сотен человек — даже если бы он захотел сшить каждому по трусам, понадобилось бы семь-восемь сотен штук!

Двое обошли дом, поболтали о всякой ерунде и легли спать.

Но ночью Вэнь Жунь встал сходить в уборную и обнаружил, что во дворе кто-то стоит на посту, несёт караульную службу! Во многих местах дома горели фонари — иначе во время патрулирования солдаты увидели бы лишь чёрные тени, а это ведь страшно!

Только в заднем флигеле никто не ходил и не смел ходить — там жили женщины. Даже взглянуть туда боялись, не то что патрулировать: обходили лишь внешний периметр, стояли на посту и несли дозор.

Вэнь Жунь подумал про себя: «Вот уж действительно видно, что Ван Цзюнь стал военным офицером! Пусть даже всего лишь шестого ранга, но всё равно на ступень выше уездного начальника».

Привезённые им люди делились на две смены: одна несла службу первую половину ночи, другая — вторую.

Только вот почему не было слышно лая их собак?

У них в доме нанимали работников, которые держали несколько сторожевых псов. Особенно ценились две пары — два кобеля и две суки. Планировали, что когда они подрастут, заведут щенков: хозяйство разрастается, а значит, нужны надёжные псы для охраны.

На следующее утро, умывшись и переодевшись, Вэнь Жунь увидел Лю Саня, который зевал раз за разом. Тот как раз нес миску с собачьим кормом: специально приготовленную еду для псов. Собакам нельзя давать слишком солёное, поэтому в корм добавляли остатки бульона от варки крупных костей, отруби и грубую муку, всё это лепили в лепёшки. Собаки в доме жили хорошо — шерсть у них блестела, как масло!

— Кстати, — спросил Вэнь Жунь, — почему вчера ночью собаки совсем не лаяли?

Ведь даже ночью иногда слышен их лай во сне.

— Да уж не говори! — поморщился Лю Сань. — Вчера вечером мы всем собакам надели удила, чтобы не лаяли. Иногда ослабляли немного, но всю ночь не спали — только под утро, когда солдаты прекратили патрулирование, выпустили их. Сейчас быстрее дай им что-нибудь вкусненькое, а то обидятся!

Собаки в этом доме тоже имели характер!

Хозяин, Вэнь Жунь, искренне любил собак: кормил их хорошо, не жалел ни еды, ни питья, и псы отвечали ему верной службой.

Услышав это, Вэнь Жунь широко раскрыл рот:

— Что?!

— А то как же! — тихо проворчал Лю Сань. — Собаки всё время лаяли бы: в доме столько чужих! В прошлый раз они, конечно, приезжали, но ведь не шатались же среди ночи!

— Это не «шататься», а патрулировать! — Вэнь Жунь только руками развёл. — Несение караульной службы — обычная военная практика. Думаешь, им самим нравится? Кто в полночь не мечтает спокойно лежать на тёплой печи? Но в армии всё иначе — простым людям вроде нас этого не понять. Целый день держишься в напряжении, и ночью тоже должен быть начеку: а вдруг враг нападёт на лагерь? Такая привычка вырабатывается в мирное время, чтобы в бою не растеряться... Это самые замечательные люди на свете!

Вэнь Жунь говорил это с воодушевлением, даже не заметив, что за его спиной уже стоят Ван Цзюнь, Лян Эр и другие солдаты.

— Благодаря им мы можем жить в мирные времена! Благодаря мудрому государю на троне — мы сыты и одеты; благодаря талантливым чиновникам, управляющим страной, — наша жизнь

спокойна и размеренна; благодаря военачальникам, охраняющим границы, — враги не осмеливаются посягать на нашу Великую Поднебесную и её необъятные земли! — Вэнь Жунь говорил всё это с пылом типичного «патриота-идеалиста» из будущего. — Не будьте к ним такими строгими и не презирайте их за грубость! Без их жестоких сражений на полях сражений откуда бы у нас с вами этот мир и покой? Все они — молодцы!

— Хозяин... у вас за спиной... — Лю Сань ещё в середине речи Вэнь Жуня заметил стоявших позади, но тот, увлечённый своим пафосом, даже не взглянул на него, а продолжал сиять, обращаясь лицом к солнечному свету.

Много лет спустя эти люди всё ещё вспоминали того самого молодого господина Вэнь Жуня — цзюйжэня, стоявшего в утреннем свете летнего дня и произнесшего слова, которые до самого сердца их пронзили. Именно благодаря этим словам они сохраняли верность своему долгу всю оставшуюся жизнь.

— А?! — Вэнь Жунь быстро стёр с лица своё «средневеково-патриотическое» выражение и, сделав серьёзную мину, обернулся.

И тут же наступил момент полного социального краха.

Быть «средневековым патриотом» — ладно, такие чувства могут накатить в любое время, их не удержишь. Но вот делать это перед кучей незнакомых людей — крайне неловко!

Особенно когда все они смотрят на тебя с открытыми ртами!

— Завтрак готов! Все идите есть! — раздался голос жены Чэнь Цяна, который вовремя разрушил эту неловкую сцену.

— О-о-о, идём есть, идём! — Вэнь Жунь пулей выскочил оттуда — так стыдно стало!

Независимо от того, что думали остальные, Вэнь Жунь завтракал в своей столовой.

Завтрак сегодня был не таким лёгким, как обычно: с утра подавали зелёную фасолевую кашу с большими пирожками с мясом, салат из бамбука и свежееобжаренные лотосовые котлеты.

У Ван Цзюня и его людей времени оставалось мало, поэтому после завтрака Вэнь Жунь пошёл проверить приготовленные для него припасы.

На этот раз действительно невозможно было обеспечить всех подчинённых Ван Цзюня, но Вэнь Жунь всё же собрал для него много сушёных бамбуковых побегов — лёгкие закуски, которые можно есть и как гарнир, и как перекус.

Этого добра в горах вокруг было в избытке. Вэнь Жунь специально поручил ученикам собирать свежие побеги, а затем высушивал их, делая ароматные пятипрямые сушёные бамбуковые побеги по рецепту тётушки Цуйхуа. Хотя саму технологию немного улучшила жена Чэнь Цяна — вкус получился отменный, и заготовки могли храниться целый год.

Главное — хватало и количества.

Больше ничего не было.

Отдельно для Ван Цзюня приготовили два больших узла, а для Чжан Саня и Лян Эра — один на двоих. Всё это, вместе с сушёными побегами, уместилось в целую телегу.

Когда солнце уже взошло, Ван Цзюнь и его люди уехали.

Перед отъездом Вэнь Жунь спросил Ван Цзюня:

— А где вообще расположен Цзяннаньский лагерь?

— Прямо к югу от реки Янцзы, — ответил Ван Цзюнь, явно поднабравшийся знаний. — Там и горы, и реки, территория огромная!

Вэнь Жунь улыбался, но в душе презирал: «Только нашли своё гнездо — и сразу переезжают!»

Откуда ему знать, где именно находится Цзяннаньский лагерь? Надо будет ещё разведать. В памяти прежнего владельца тела тоже не осталось никаких сведений на этот счёт.

После их отъезда начальник конюшни Ма Лицзян не уехал — он остался ночевать в доме старика Чжана.

А на следующий день вернулся Ма Сань. На этот раз он привёл с собой более десятка подчинённых и целую строительную бригаду. Они сразу же снесли его старый глиняный дом и начали завозить лес, кирпичи и прочие стройматериалы — собирался строить новый дом, да ещё и кирпичный с черепичной крышей!

Когда дядя Ян обедал у Вэнь Жуня, он удивлённо спросил:

— Я думал, он купит дом в уездном городе. Как же так — опять строится здесь, в Ляньхуаао?

— Может, просто тяжело расстаться с родной землёй? — пожал плечами Вэнь Жунь, особо не задумываясь. — В тот день Ма Сань здорово отделал Линь Сань-эра!

— Про дело Линь Сань-эра больше никто и не заговаривал, — задумался дядя Ян. — Всё это время мы радовались да полями занимались, даже в уездный город не съездили, чтобы узнать подробности.

— Да и неважно это, — отмахнулся Вэнь Жунь. — Нам с этим вообще нет дела. Да и всей деревне Ляньхуаао — тоже.

Ведь семью Линь арестовал лично Ма Сань, причём делали это люди Ван Цзюня. Жители Ляньхуаао тут совершенно ни при чём — они сами пострадавшие.

Правда, в древности никто особо не разбирался в таких тонкостях: людей посадили — и всё. Никто не пришёл даже спросить, что к чему. А жители Ляньхуаао, судя по всему, были от природы домоседами: без дела в уездный город не ездили и сплетнями не интересовались.

Они с дядей Яном просто спокойно поели и не стали больше об этом думать.

Но на следующее утро Ма Сань неожиданно появился у них снова.

И на этот раз пришёл официально, в полной форме уездного старшины-ярмы, с семью-восемью подчинёнными — выглядел весьма солидно. Вэнь Жунь принял его в гостиную.

Чай и угощения подавал Чэнь Сюй. Ма Сань, похоже, немного разочаровался.

— Волостное управление арестовало семью Линь, — начал он. — Родственники Линей приходили в яму, узнали, что арест произведён по приказу самого уездного начальника, и выпустить их нельзя. Вы ведь знаете, господин, тюрьма — не самое приятное место. Пусть немного посидят, успокоятся. Но ведь несколько дней в заключении — это не решение. Рано или поздно вопрос всё равно придётся решать окончательно. Поэтому я сегодня пришёл просить нескольких человек из вашей деревни явиться в уездную яму для очной ставки с семьёй Линь. Конечно, вам лично идти не обязательно.

Как уже упоминалось ранее, у Вэнь Жуня был такой статус, что при любых гражданских спорах он мог просто прислать управляющего — лично присутствовать на разбирательствах ему не требовалось.

Ма Сань тоже думал, что такой человек, как Вэнь Жунь, наверняка посчитает это ниже своего достоинства и, скорее всего, пошлёт туда госпожу Лю.

— Вы можете отправить госпожу Лю, — прямо так и предложил он.

— Ни в коем случае! — Вэнь Жунь сразу же отверг это предложение.

<http://bllate.org/book/15642/1398122>